

Касимова Гульнара Рашидовна

МОТИВ ПУТЕШЕСТВИЯ В РОМАНЕ ПЕТЕРА КОРНЕЛЯ "ПУТИ К РАЮ. КОММЕНТАРИИ К ПОТЕРЯННОЙ РУКОПИСИ"

В статье рассматриваются мотив путешествия в романе шведского писателя Петера Корнеля "Пути к раю. Комментарии к потерянной рукописи" (1987) как структурообразующий элемент повествования и круг связанных с ним образов и значений; выявляются мотивы, ему сопутствующие, анализируется, как данный мотив, наряду с жанровой формой произведения и заглавием, служит реализации замысла романа. Анализ мотива позволяет сделать выводы и о художественном пространстве романа, организованном вокруг сакрального центра.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/1-2/24.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (43): в 2-х ч. Ч. II. С. 95-101. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81-114.2

Филологические науки

Данная статья представляет собой рецензию на монографию З. Д. Поповой «Предложно-падежные формы и обороты с производными предлогами в русских высказываниях (синтаксические отношения и функции)», в которой представлен когнитивный подход к процессу транспозиции предложно-падежных конструкций в производные предлоги и их синтаксические места в позиционных схемах высказываний. Убедительно доказана ступенчатость утраты семного состава семем знаменательных слов, получающих в составе предложно-падежной формы статус служебного слова. Ставится вопрос о целесообразности пересмотра анализа членов предложения и эффективности разработки анализа позиционных схем высказывания в терминах актантов и ситуантов.

Ключевые слова и фразы: грамматикализация; грамматическое значение; лексическое значение; предложно-падежная форма; производный предлог; уровни семем; утрата сем; фразеологизация.

Казарина Валентина Ивановна, д. филол. н., профессор
Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
kazarina39@mail.ru

**ПОПОВА З. Д. ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫЕ ФОРМЫ И ОБОРОТЫ
С ПРОИЗВОДНЫМИ ПРЕДЛОГАМИ В РУССКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ
(СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ФУНКЦИИ): МОНОГРАФИЯ. ВОРОНЕЖ:
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ВГУ, 2014. 232 С. ©**

В 2014 г. Издательским домом Воронежского государственного университета выпущена монография З. Д. Поповой «Предложно-падежные формы и обороты с производными предлогами в русских высказываниях (синтаксические отношения и функции)» [2], адресованная лингвистам, преподавателям русского языка, студентам филологам.

Интенсивное появление производных предлогов, вызванное многозначностью и размытостью семантики непродвиженных предлогов, не позволяющей выразить конкретные грамматические отношения, обратило внимание автора на процесс формирования производных предлогов – результат транспозиции предложно-падежных форм и оборотов в служебную часть речи как следствие грамматикализации входящей в предложно-падежную форму знаменательной лексемы.

В работе представлен новый, когнитивный подход к описанию предложно-падежных форм с производными предлогами, способствующий выявлению причин и места концептуализации в образовании производных предлогов, определению конкретных синтаксических отношений, формируемых этими предлогами, и синтаксических позиций предложно-падежных конструкций в позиционных схемах высказываний, обуславливающий необходимость преобразования типологии членов предложения.

Автор исследовал процесс формирования производных предлогов, принимающих участие в маркировании позиций традиционных членов предложения; конструкций с производными предлогами, соотносимых с позициями традиционных членов предложения (подлежащим и дополнением), но таковыми не являющихся (главы IV и V); предложно-падежных форм и оборотов, функционирующих в аблативных, комитативных, каузативных, финальных, компаративных, делиберативных, метатекстовых позициях и в позиции маркеров свёрнутых коннекторов и не являющихся членами предложения в традиционном их представлении (глава VI).

Выявление когнитивных процессов, определяющих формирование производных предлогов, основано на лексическом значении слов с обязательно имеющей место быть семой релятивности в составе транспонируемых предложно-падежных форм с непродвиженными предлогами, имеющими необходимую для выражения грамматического отношения семантику, и грамматической семантике предложно-падежной формы, подвергшейся транспозиции в предлог. В числе продуктивных в формировании производных предлогов отмечены локативные конструкции: «в + предл. пад.», «в + винит. пад.», «на + предл. пад.», «на + винит. пад.», «по + дат. пад.», «при + предл. пад.», «с + творит. пад.». Самой продуктивной в формировании производных предлогов, по материалам картотеки автора, является предложно-падежная форма «в + предл. пад.». Не безразличны к процессу формирования и лексико-семантические группы существительных, с которыми сочетается производный предлог.

Положенная автором в основу исследования развития семантики предложно-падежных форм способность предлога сочетаться с различными лексико-семантическими группами имен выявила «глубокое взаимодействие грамматической функции предложно-падежной формы с ее лексическим наполнением» [Там же, с. 21], прослеженное автором строго последовательно, логично и вполне доказательно, обуславливающее место словоформы в позиционной схеме высказывания. Принцип обусловленности грамматического статуса предложно-падежной формы позволил в семном составе непродвиженных предлогов выделить семемы разного уровня, условно обозначенные символами: Д1 – денотативная первая семема (номинативное значение), Д2 – денотативная вторая семема (производно-номинативное значение), К1 – коннотативная мотивированная семема (переносное метафорическое или метонимическое значение), К2 – немотивированная семема (идиоматическое значение) [1, с. 31-33; 2, с. 20].

В качестве примера развития семантики предложно-падежных форм обратимся к описанию этого процесса в формировании многозначной и продуктивной в функционировании предложно-падежной формы «в + предл. пад.» – генетически синтаксического знака места (локатива) действия или нахождения при наличии в позиции предложного падежа номинантов с пространственной семантикой: *сидим в кухне, гуляем в лесу, живем в Волгограде* и др. Приблизительное обозначение нужного места в пространстве в форме «в + предл. пад.» передается использованием количественно-именных сочетаний с указанием на расстояние между двумя пунктами, один из которых известен, а другой определяется через названное расстояние: *остановились в двух километрах от города, в отдалении от города*. Локатив, названный без указания точки в пространстве, требует введения «дополнительного» уточняющего предлога, определившего формирование производного предлога: *стоять в стороне – в стороне от дороги, находиться в отдалении – в отдалении от города* [2, с. 22]. Это прямое номинативное значение формы «в + предл. пад.» (семема Д1) – номинация «пространственного локатива, внутри которого что-либо находится или происходит» [Там же]. Семы *локатив*, *внутри*, *находиться*, *происходить* исходной семемы Д1 легли в основу развития производно-номинативного значения формы «в + предл. пад.», семемы Д2, при отсутствии семы *пространство как территория*, имеющей место быть в семеме Д1.

Семы семемы Д2 легли в основу развития новых значений предложно-падежной формы «в + предл. пад.». Так, семы *локатив* и *внутри* при номинантах непространственных предметов приводят к формированию 8 производно-номинативных значений формы, определяемых лексическим наполнением субстантива и способных к формированию метафорических и идиоматических семем, соответственно К1 и К2. Рассмотрим формирование некоторых из этих значений.

При введении в позиционную схему номинантов фрагментов рельефа и явлений окружающей среды предложно-падежная форма указывает на неопределенное место действия, характеризующее условие его протекания (семема Д2-1): *плаваем в море, шли в темноте, горизонт утонул в дыму пожаров*; с номинантами частей и органов человеческого тела она реализует семему Д2-2, объективируя ту часть или орган тела, внутри которого что-либо имеет место быть: *держат карандаш в руке, носить серьги в ушах; беспокоит шум в голове, колет в сердце; в душе тревожит радость, в сердце тревога; представить в воображении, восстановить в памяти*. При наименованиях печатной продукции и продукции, предназначенной для записей, предложно-падежная форма называет издания, внутри которых помещаются публикации и записи: *опубликовал в газете, рисовал в альбоме* и под., реализуя семему Д2-3; с номинантами одежды и обуви она приобретает значение покрова, внутри которого находится тело или часть тела человека (семема Д2-4): *пришла в белом платье, ходим в валенках*; при глаголах действия словоформа получает дополнительное характеризующее значение способа действия: *молятся в шапках, занимались в пальто*, способное развить метафорическое значение: *небо в облаках, степь в холмах*.

Утрачивая сему *локатив*, форма «в + предл. пад.» приобретает коннотативную мотивированную или немотивированную семему. Лексемы разного рода состояний способствуют развитию коннотативной мотивированной семемы К1-1, сохраняющей сему *находиться*: *быть в состоянии, быть в негодовании, состоять в браке, служить в штатной должности, быть в дружбе, состоять в переписке*; тогда как сохранение семы *как бы внутри* с названиями видов деятельности субъекта обеспечивает наличие семемы К1-2: *время провели в разговорах, всю неделю был в работе, в спорах у нашего руководства прошел весь день* – и семемы К1-3 при некоторых лексемах со значением отрезка времени, не полностью занятого действием: *строительство дома завершилось в октябре, в будущем нужно ждать улучшений, в седьмом часу раздался звонок*.

Развитие немотивированных коннотативных (идиоматических) семем К2 отмечено в форме «в + предл. пад.» после глаголов словесного действия (К2-1): *признаться в любви, обвинили в измене, отказали в приеме, поддержали в беде, обманулся в ожиданиях, разбирается в людях* – и в конструкциях с глаголами речемыслительной деятельности (К2-2), приобретающих дополнительное значение образа, способа получения результата этой деятельности: *выразить в метрах, высчитать в процентах, представить в законченном виде* и под.

Процесс транспозиции предложно-падежных форм в производные предлоги, как верно отмечает автор, сопровождается утратой лексического значения знаменательной лексемы, приводящей к изменению грамматической семантики и статуса конструкции, в которой формируется производный предлог. Процессу транспозиции предшествует вхождение знаменательной лексемы во ФС (фразеологическое сочетание) в результате сохранения ею некоторых из сем.

Наиболее ярко этот процесс представлен на примерах формирования производных локативных предлогов на основе формы «в + предл. пад.», явившейся базой образования серии синонимичных производных локативных предлогов «в сфере чего», «в области чего», «в пределах чего», «в границах чего», «в рамках чего», «в кругу чего», «в районе чего» при устранении сем из семем знаменательных лексем *сфера, область, предел, граница, рамка, круг, район*.

Так, в соответствии со ссылкой на данные МАС (Малый академический словарь) лексема *сфера* определена, прежде всего, как математический термин: форма тела, представляющая собой «замкнутую поверхность, все точки которой равно удалены от центра» (семема Д1). В значении «поверхность шара и его внутреннее пространство» она представлена как метонимическая [Там же, с. 40].

В значении *внутренняя поверхность шара как она видится из центра*, семема Д2К1, лексема представлена во ФС *небесная сфера* – воображаемая вспомогательная сфера произвольного (но достаточно большого) радиуса, на которую проецируют с Земли небесные светила [Там же, с. 40–41]. Как Д2К1 семема лексемы *сфера* отмечена и во ФС *музыка сфер*, толкуемая со ссылкой на СУ (Толковый словарь русского

языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935-1940.) в значении поэтического образа, основанного на представлении пифагорийцев о гармонических звуках, будто бы происходящих от движения небесных светил [Там же, с. 41].

В «небесном» значении лексема *сфера* входит и во ФС *высшие сферы* – результат представления о небесных телах как месте пребывания божеств, управляемых миром. Перенесенное на людей, оно получает статус К1К1 и становится «полноценным» фразеологизмом: *высшие сферы* – правящие, привилегированные (или аристократические) круги общества.

Семема Д2 лексемы *сфера*, утратившей сему 'шарообразность', в значении 'пространство любой формы', находящееся в пределах воздействия чего-либо, дает возможность лексеме метафоризоваться, представляя пространство действия объекта как распространяющееся во все стороны от объекта и как бы замкнутое невидимыми границами во ФС *Сфера солнечного притяжения. Сфера силы электричества. Сфера болотных испарений. Сфера притяжения планет* [Там же].

Устранение из семемы лексемы *сфера* сему 'пространство любой формы', отмеченной в СУ 30-х гг., создает семему К1 – «область деятельности, проявления каких-либо отношений, интересов и т.п.» во ФС *сфера влияния*, в котором лексема *влияние* представляет семему Д2 в значении «авторитет, власть» (ТСРЯ (Толковый словарь русского языка) – 2008) как компонент семемы К1Д2.

Неоспоримым доказательством вхождения лексемы *сфера* в состав ФС является способность сочетаться с атрибутами различного статуса, представляя выявленные автором различные статусы семем: в примерах типа *бюджетная сфера, научно-техническая сфера, сфера науки, сфера культуры, сфера политики* и мн. др., в позиции определяющего компонента которых имеют место лексемы с семемами Д1 (ФС Д1, К1), лексема *сфера* самостоятельно представляет семему К1. При статусе Д2 или К1 определяющего компонента лексема *сфера* входит в состав ФС типа Д2К1, К1Д2: *Интересы самого оратора все больше перетекают из сферы политики в сферу бизнеса. Какую сферу деятельности они покрывают?* [Там же, с. 42].

Утрата лексемой *сфера* всех компонентов лексического значения допускает возможность ее изъятия из позиционной схемы высказывания и позволяет ставить вопрос о ее полной грамматикализации и переходе в разряд служебных слов, предлогов: *В сфере изучения предметной лексики остается много белых пятен. Ср.: в изучении образной лексики... В сфере написаний с Э сильное влияние оказывали английская (начало и середина слова) и французская (конец слова) фонетики. Ср.: в написании с Э...* [Там же].

Несмотря на достаточную прочность сохранения лексического значения лексемой *сфера* (в функции производного предлога словоформа «в сфере» отмечена поздно, только в ТСРЯ – 2008), интенсивная грамматическая сема локатива в форме «в + предл. пад.» в сочетании с зависимыми лексемами определенной семантики подавляет знаменательные семы лексемы *сфера*, обладающей статусом семемы К1. Основанием для транспозиции предложно-падежной формы «в + предл. пад.» в предлог явилась сема 'замкнутость пространства' семемы Д1.

Процесс транспозиции знаменательных лексем в служебные части речи, в числе которых производные предлоги – результат утраты знаменательной лексемой своего семного состава, приводящей к грамматикализации предложно-падежных форм, образованию грамматической омонимии, влияющей на их синтаксические позиции в структуре высказывания, – свидетельствует о значимости рецензируемой работы для решения дидактических проблем грамматического разбора предложений в школе и вузе. Обоснованно поднимается и вопрос о необходимости дальнейших исследований несоотносимых с традиционными членами предложения конструкций с производными предлогами, определения их синтаксического места в высказывании и тексте.

Список литературы

1. Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1989. 191 с.
2. Попова З. Д. Предложно-падежные формы и обороты с производными предлогами в русских высказываниях (синтаксические отношения и функции). Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. 232 с.

POPOVA Z. D. PREPOSITIONAL-CASE FORMS AND TURNS OF SPEECH WITH DERIVED PREPOSITIONS IN THE RUSSIAN STATEMENTS (SYNTACTIC RELATIONS AND FUNCTIONS): MONOGRAPH. VORONEZH: VSU PUBLISHING HOUSE, 2014. 232 P.

Kazarina Valentina Ivanovna, Doctor in Philology, Professor
Elets State University named after I. A. Bunin
kazarina39@mail.ru

This article is a review of Z. D. Popova's monograph "Prepositional-case forms and turns of speech with derived prepositions in the Russian statements (syntactic relations and functions)", which presents a cognitive approach to the transposition of prepositional-case constructions into derived prepositions and their syntactic places in the positional schemes of statements. The gradation of loss of some composition of notional words sememes, obtaining the status of a functional word as a part of a prepositional-case form, is convincingly proved. The question is put about the desirability of revising the analysis of sentence parts and the effectiveness of the analysis of positional schemes of statements in terms of actants and situants.

Key words and phrases: grammaticalization; grammatical meaning; lexical meaning; prepositional-case form; derived preposition; levels of sememes; loss of semes; phraseologization.

УДК 82

Филологические науки

В статье рассматриваются мотив путешествия в романе шведского писателя Петера Корнеля «Пути к раю. Комментарии к потерянной рукописи» (1987) как структурообразующий элемент повествования и круг связанных с ним образов и значений; выявляются мотивы, ему сопутствующие, анализируется, как данный мотив, наряду с жанровой формой произведения и заглавием, служит реализации замысла романа. Анализ мотива позволяет сделать выводы и о художественном пространстве романа, организованном вокруг сакрального центра.

Ключевые слова и фразы: роман-комментарий; мотив путешествия; интерактивный роман; гипертекстовая литература; экфрастические элементы.

Касимова Гульнара Рашидовна

*Московский педагогический государственный университет
blossom89@mail.ru*

**МОТИВ ПУТЕШЕСТВИЯ В РОМАНЕ ПЕТЕРА КОРНЕЛЯ
«ПУТИ К РАЮ. КОММЕНТАРИИ К ПОТЕРЯННОЙ РУКОПИСИ»[©]**

Цель данного исследования – рассмотреть мотив путешествия в романе Петера Корнеля «Пути к раю. Комментарии к потерянной рукописи» (1987) как структурообразующий элемент повествования, выявить круг образов и мотивов, с ним связанных, и сделать вывод о том, как данный мотив служит реализации замысла романа.

Петер Корнель (1942) – шведский прозаик и искусствовед. Он живет в Стокгольме, преподает историю искусств, выступает как критик по вопросам искусства в ежедневной газете «Экспрессен». Его роман «Пути к раю. Комментарии к потерянной рукописи» вышел в свет в 1987 году и имел успех у читателя, в том числе отечественного. На русском языке роман напечатан издательством «Азбука» и сопровождается предисловием Милорада Павича, который характеризует «Пути к раю» как «одно из тех произведений, которые, избавившись от рабства линейности языка, открывают перед нами, читателями, возможность самим участвовать в создании определенного текста, возможность переместить текст на новый уровень..., где ветвятся наши мысли и наши сны, совершенно нелинейные, в отличие от языка, на котором веками писали классики» [2, с. 6]. По замечанию Павича, «благодаря этой книге Корнель вошел в узкий круг современных писателей, пользующихся нелинейным письмом (nonlinear narratives) и создающих интерактивную литературу» [Там же].

Повествование в романе Петера Корнеля характеризуется фрагментарностью и дисперсностью. Роман «Пути к раю» состоит из трех частей. Первая часть включает 84 комментария, вторая – 77, а третья – 38. Каждая часть состоит из фрагментов, которые содержат комментарии к некоему научному труду, от которого «сохраняется только научный аппарат» [Там же, с. 9]. Но мотив путешествия привносит в повествование однородность, связывая воедино круг тем, образов и мотивов, который будет рассмотрен ниже.

Рассматривая роман Петера Корнеля «Пути к раю» в контексте других произведений подобной формы («Подлинная история «Зеленых музыкантов»» Попова, «Бесконечный тупик» Галковского), российский литературовед Алексей Михеев в статье «Вокруг, около и вместо» отмечает принципиальное отличие структуры повествования в романе П. Корнеля: «В его формально не связанных ни с основным текстом, ни друг с другом комментариях есть, тем не менее, повторяющиеся фрагменты (например, ссылки на одни и те же публикации) и, что важнее, повторяющиеся мотивы». Среди повторяющихся мотивов исследователь называет рассуждения о лабиринтах, спиральных и складках, соотношении центра и периферии, городской топографии и схожем строении разных природных объектов [3, с. 158]. И действительно, в предисловии сказано, что целью «обширного проекта», который был утрачен, являлось «выявить целый ряд до сих пор незамеченных связей» [2, с. 9]. Изучив текст романа, можно сделать вывод, что множество фрагментов связаны с мотивом путешествия. Об этом свидетельствует и заглавие романа – «Пути к раю. Комментарии к потерянной рукописи». На наш взгляд, оно отражает основную мысль произведения – поиск утраченного центра, приобретающий сакральное значение: прежде всего, это поиск смысла жизни и поиск гармонии, и, конечно же, поиск Бога, путь к нему и познанию его замысла. Рукопись здесь является утраченным смыслом жизни, который призван обрести читатель, пройдя по лабиринтам замысловатого текста, а обретение центра приравнивается к обретению рая на земле. П. Корнель уподобляет читателя паломнику, совершающему путешествие к центру мира в поисках Бога.

Символична и форма романа – «Комментарии к потерянной рукописи»: ключевое звено книги утеряно, и читатель пытается восстановить его по разрозненным, вразброс расположенным фрагментам. Так и жизнь с ее смыслом недоступна для человеческого понимания: ее сущность утрачена, и человек, ориентируясь наугад, пытается нащупать некий смысл, пытается разгадать некую конечную точку своего земного путешествия. В данном произведении концепция смерти автора приобретает удивительное звучание: автор сам устраняется, предоставляя читателю иллюзорную свободу выбора путей и способов чтения, но, тем не менее, получается так, что читатель никакой власти не имеет, потому что только автору доступен изначальный

замысел. Отношения автора и читателя приобретают религиозный подтекст: автор есть создатель фикционального пространства жизни, а читатель – лишь человек, вынужденный идти наугад, ориентируясь по тем немногим подсказкам, которые оставил ему Творец.

Таким образом, структурообразующей основой романа является мотив путешествия, который в произведении приобретает различные вариации: «духовное путешествие» по полотну Сезанна, движение людей внутри архитектурных пассажей, путешествие как чтение, процесс понимания как «движение по кругу», по «герменевтической спирали», прогулки сюрреалистов по Парижу с остановками в узловых точках. В этом цикле комментариев (18-24, I) описано 5 способов путешествия: два из них (движения по пассажам и прогулки сюрреалистов) связаны с преодолением пространства во времени, три (путешествие как созерцание, путешествие как чтение, путешествие как понимание) являются духовными практиками. На наш взгляд, именно таким способом путешествия отдается авторское предпочтение. Кроме того, мысль о духовном путешествии получает развитие в комментарии 29, где труд алхимика сравнивается с *«исполненным опасности путешествием в город, окруженный стенами»* [2, с. 26], и комментарии 76, где рассказывается об итерологии – термине, придуманном М. Бютором для науки, которая *«изучает связь путешествия и путешественников с письмом, чтением и литературными жанрами»*. В 76 фрагменте содержится одна из ключевых для понимания романа фраз: *«Читать и писать, как и путешествовать, означает с помощью ручки, глаза или фантазии совершать своего рода бегство – бегство между словами, в другие времена, в другие места»* [Там же, с. 64].

В связи с темой духовного путешествия возникает образ Элен Смит, появляющийся в разных фрагментах рукописи. Элен Смит – молодая красивая продавщица, которая утверждала, что совершает путешествия в различные места и эпохи. Психоаналитик Флурнуа пытался исследовать её путешествия, но как только он приближался к разгадке, бессознательное девушки защищало самое себя, подобно лабиринту, выдумывая новые системы знаков и новые места.

Доминирующей из всех вариаций мотива путешествия является путешествие как паломничество. Мотив паломничества связан с городом Иерусалимом, где находится центр земли: это место пересечения трех религий, где расположен храм царя Соломона, место сотворения первого человека Адама, распятия Христа – Голгофа, вознесения пророка Мухаммеда, Гроба Господня, *«где по-прежнему находилась чаша с круглым камнем внутри, которая была отметиной середины мира»* (фрагмент 11) [Там же, с. 14].

Иерусалим является пространственным центром первой части романа и смысловым центром произведения. Город имеет форму спирали и лабиринта: *«В центре мы видим храм Соломона, окруженный несколькими рядами крепостных стен. Округлый город имеет форму спирали или лабиринта, задача которого как раз и состоит в том, чтобы охранять центр»* (фрагмент 29) [Там же, с. 26-27].

С мотивом путешествия неразрывно связан мотив лабиринта – ведущий мотив произведения Петера Корнеля, ключевой для романов постмодернизма и для интерактивных романов в частности. Лабиринт, по Корнелю, – образ человеческого существования, «символ земной жизни» (фрагмент 39), «потрясающее изображение человеческой жизни» (фрагмент 47), а блуждания по лабиринту в поисках центра есть аллегория жизни в поисках смысла. В 46 фрагменте Корнель приводит пример «путешествия в миниатюре и символической форме», которое заменяло паломничество в Иерусалим: *«в больших соборах Северной Франции... часть нефа занимает лабиринт, выложенный инкрустацией из темно-синего и белого мрамора... окольными путями здесь можно добраться до Иерусалима в центре лабиринта. Чтобы восполнить отсутствие подлинного Иерусалима, кающийся должен был с чтением молитв и под пение псалмов на коленях проползти по дорожкам и проходам лабиринта до самой “середины мира”»* [Там же, с. 40].

Лабиринт представляет собой загадку бытия, которую призван разгадать человек, пройдя по нему. Задача же лабиринта – «охранять центр», то есть защищать сакральный смысл бытия от человеческого познания. Мотив лабиринта, в свою очередь, имеет различные вариации: это и мифологический критский лабиринт, история которого приводится в 50-м фрагменте, и лабиринт как защитный механизм бессознательного, выявленный психоаналитиками Фрейдом и Флурнуа, и Иерусалим, который имеет форму лабиринта, и т.д.

Мотив лабиринта также раскрывается в романе и при помощи экфрастических элементов – описаний произведений Андре Массона, Джеймса Поллока, Роберта Смитсона, Леонардо да Винчи, Дюрера и других.

Так, во фрагменте 32 упоминаются *«“Узлы” без начала и без конца, образующие лабиринты на рисунках Леонардо и Дюрера»*, которые *«можно рассматривать как карты вселенной»*. Как «бесконечные лабиринты» характеризуются большие абстрактные полотна Джеймса Поллока, представленные системой *«множественных лабиринтов»*, *«из которой невозможно выбраться, и центр закамуфлирован и устранен умножением»* [Там же, с. 59]. Объединяет же узлы Леонардо и Дюрера и работы Поллока то, что у них нет центра (*«Как в узлах вечности у Леонардо и Дюрера, так и в живописных полотнах Поллока нет центра»*). Произведение Роберта Смитсона «Спираль Дамба» также несет в себе образ лабиринта без центра: *«На месте это произведение представляет собой не столько объект чистого созерцания, сколько прежде всего нечто такое, через что можно пробраться, что в буквальном смысле можно пройти насквозь и что можно обойти, если идти по верху спирали длиной около 500 метров, направляясь к центру. “Смитсона безумно радовало, что зритель, дойдя до конца “Спираль Дамбы”, ничего там не находит”...»* [Там же, с. 60].

Таким образом, одним из центральных мотивов у Корнеля является охраняющая функция лабиринта, его иррациональность, преодолеть которую возможно, только находясь вне его, имея представление о целой конструкции. Этот мотив многократно повторяется в различных фрагментах романа и усиливается композиционно, ведь и сам роман представляет собой ризомную децентрированную структуру, главное звено которой утрачено. И понимание романа возможно только при условии видения его целостности. «В своей

формальной структуре текст Корнеля реализует те философские идеи, которые составляют его тематическую основу: то, о чем говорится, становится и тем, как об этом говорится» [4, с. 169].

Можно сделать вывод, что роман Петера Корнеля, как и другие модели интерактивного романа, по классификации Д. Затонского, является «центростремительным романом» [1]: весь его замысел подчинен стремлению к центру и его поискам.

Исходя из разбросанных по роману метафор, в том числе из ключевой метафоры лабиринта, центр представляет собой пустоту. В 72 фрагменте романа автор приводит высказывания Ж. Деррида в «Эллипсе» и «Письме и различии»: *«К чему грустить о центре? Разве центр, это отсутствие игры и разнообразия, не есть другое название смерти?»* и *«...разве жажда центра как функции игры не есть нечто такое, что не поддается разрушению? И при повторении и возвращении игры разве может признак центра перестать взывать к нам?»* [2, с. 60-61]. Приведенные высказывания французского постструктуралиста, безусловно, несут противоречивый характер: с одной стороны, центр для Деррида соотносится с образом смерти, а с другой – философ признает, что человек находится в постоянных размышлениях о центре, находится в вечном его поиске. Как же соотнести эти два смысла? Человек находится в состоянии поиска покоя, умиротворения и гармонии, но получается, что такое состояние достижимо только в одном случае – в случае отсутствия жизни. Только умирая, человек перестает стремиться к центру, он прекращает своё духовное путешествие-паломничество в поисках смысла, возможно, обретая его и входя в состояние вечного покоя и гармонии.

В 26 комментарии автор заявляет о подвижности центра, используя историю об австралийском племени ахилпа, которое переносит с собой священный столб, что *«создает постоянное ощущение дома», «но если столб рухнет, это равнозначно катастрофе, “концу света”, возврату хаоса»* [Там же, с. 24]. По мысли многих философов XX-XXI веков, современный человек находится в такой же ситуации – *«катастрофы, “конца света” и “возврата хаоса”»*, в постоянном поиске центра, который не может обрести. В 28 фрагменте мысль о подвижности центра, его условности раскрывается при помощи образа Марселя Пруста и эпизода из его биографии, вошедшего в роман «Поиски утраченного времени», о том, как большой писатель посещает выставку Вермеера, чтобы насладиться картиной «Вид Делфта». Точнее, писателя интересует *«небольшой фрагмент желтой стены»*, который озаряет его сознание *«беспоощадным восторгом»* [Там же, с. 25]. Речь идет о некоей фокусировке сознания на незначительной детали, которая вдруг может приоткрыть завесу бытия перед созерцающим, как это происходит, например, с героем романа «Игра в классики», когда моменты осознания жизни настигают его при рассматривании дырки в парусиновом шатре цирка.

В первом цикле комментариев Петер Корнель создает образ центра – «середины мира», «рая на земле», поиску которого посвящено произведение: *«“Середина мира”, “сердце мира”. Эти понятия встречаются во всех культурах, даже если географическое или топографическое положение центра варьируется: это может быть страна, пещера, гора, башина или город», «то есть речь идет о земном рае, который является отправной точкой любой религии»* (фрагмент 3) [Там же, с. 11]. И в этом же комментарии автор связывает земной рай – искомый центр – со Словом: *«Вот откуда все произошло, вот где было произнесено первое животворящее Слово»* [Там же]. В поиске первого Слова находятся масоны, упоминания о которых разбросаны по фрагментам произведения; в поиске Слова находится и читатель произведения Петера Корнеля, пытаясь по комментариям восстановить утраченную рукопись.

В последующих фрагментах понятие центра сужается до точки: в 4-м фрагменте это *«широховатый камень, 10 x 9 см, названный по надписи на камне»*, в 8-м и 9-м комментариях это *«центр», «пуп Вселенной», «которые лежат в основе описаний Иерусалима», «omphalos», «центр мира», где был создан человек и «где впоследствии распяли Христа»* [Там же, с. 13]. В 14-м фрагменте автор делает предположение, что *«за очертаниями горы Сент-Виктуар маячит старинное представление о центре мира»* в связи с живописью Сезанна, который настойчиво повторяет один и тот же мотив, некую «точку», которую, по замечанию Петера Хантке, *«в природе невооруженный взгляд не различит, но на картинах художника она появляется снова и снова более или менее темным пятном»* [Там же, с. 15]. Как и в мифологическом пространстве, топографическим центром романа «Пути к раю» является «некая точка или линия (ось), приобретающая различные формы: гора, дерево, столп» [5, с. 28] и др. Такая точка есть и в других рассмотренных нами интерактивных романах. В «Хазарском словаре» М. Павича она не выражена географически, но читатель понимает, что так называемая «точка истины» находится на пересечении трех версий книги. В романе М. Джойса «Полдень» своеобразной осью является изгородь, где главный герой случайно находит сочинение своего сына и, читая его, приближается к разгадке тайны бытия. В романе Х. Кортасара «Игра в классики» центр, в поисках которого находится герой, воплощается в разных образах: Небо – как точка достижения выигрыша в детской игре, «отверстие в глубине красного парусинового купола» шатра цирка, гора Элевсин, центр мандалы, древо Иггдрасиль.

С мотивом путешествия также связан образ раковины, упоминания о которой пронизывают многие фрагменты романа. Символ раковины является символом путешествия, так как раковина на костюме паломника заменила пальмовую ветвь, ранее символизирующую паломничество в Палестину. Раковину также называют «гребешками Святого Иакова», «мидиями пилигримов». Во фрагменте 6 II части написано, что раковины стали символами паломничества благодаря горе святого Михаила – Мон-Сен-Мишель в Нормандии: *«Эти последние предметы, принимая во внимание всю цепочку морских образов, с ними связанных, как нельзя лучше подходили для того, чтобы служить воспоминанием о святом месте...»* [2, с. 81]. В 7 фрагменте II части указывается, что в раковине для некоторых мечтателей заключен «глубинный образ миропорядка», так как спираль раковины «построена на соотношении чисел, совпадающих с гармоничной пропорцией золотого сечения» – божественной пропорции, которая связана с числом 1,618, лежащим в основе Творения, выраженным *«в логарифмической спирали наутилуса, в венчике цветка подсолнуха, в туманностях и галактиках микрокосма»* [Там же, с. 83].

В 10 комментариях II части раковина связывается с воспоминанием («*Имеется в виду раковина как воспоминание*») в контексте романа Марселя Пруста «В поисках утраченного времени», где вкус пирожного «мадлен», которое «*кажется испеченным в рифленой раковине зрелых св. Иакова*», воскрешает прошлое. Повествователь сравнивает это воспоминание с «паломничеством в потерянный рай прошлого» («*Не уподобляются ли воспоминания рассказчика своеобразному паломничеству в потерянный рай прошлого?*») [Там же, с. 80-86]. Также раковина символизирует женское начало («*...средневековые представления о матке, которая имеет форму лабиринта или спиралевидной раковины, еще присутствующее в некоторых анатомических рисунках Леонардо*»), воплощающее в романе одну из вариаций рая: «*Как мы видели, священное пространство – это материнское лоно, к которому относится идеальный regressus ad iterum (возвращение в материнскую утробу); там, где ты родился, ты находишь покой, безопасность, пищу, тепло, нежность; там ты живешь, как в раю*» (фрагмент 28) [Там же, с. 27-28]. Образ раковины, с одной стороны, связан с гармонией, порядком, женским началом и детством, с другой, – с путешествием и лабиринтом. Он дублирует идею произведения о стремлении к центру, в котором человек обретает спокойствие и умиротворение.

Таким образом, мотив путешествия-искания, принимая разные вариации в романе Петера Корнеля, прежде всего воплощается в двух ключевых мотивах-образах, отчасти дублирующих друг друга: это мотив лабиринта и символ раковины. Кроме того, мотив путешествия, являясь структурообразующей основой повествования, подчиняет себе заглавие произведения и его структуру с отсутствующим центром, реализуя таким образом замысел произведения.

Список литературы

1. **Затонский Д. В.** Искусство романа и XX век. М.: Художественная литература, 1973. 534 с.
2. **Корнель П.** Пути к раю. Комментарии к потерянной рукописи. СПб.: Азбука, 1999. 170 с.
3. **Михеев А.** Вокруг, около и вместо // Иностранная литература. 1999. № 5. С. 157-159.
4. **Спиридонов Д. В.** Эстетика историзма и поэтика нелинейного письма в европейской литературе конца XX века: дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2008. 264 с.
5. **Токарева Г. А.** Миф в художественной системе У. Блейка: дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2005. 466 с.

MOTIVE OF TRAVEL IN THE NOVEL BY PETER CORNELL "THE WAYS TO PARADISE: COMMENTARIES TO THE LOST MANUSCRIPT"

Kasimova Gul'nara Rashidovna
 Moscow State Pedagogical University
 blossom89@mail.ru

The article considers the motive of travel in the novel by the Swedish writer Peter Cornell – "The Ways to Paradise: Commentaries to the Lost Manuscript" (1989) as a structure-forming element of the narration and a sphere of images and meanings associated with it; the author identifies accompanying motives, analyzes how this motive, along with the genre form of the literary work and the title, serve the realization of the idea of the novel. The analysis of the motive also allows concluding on the artistic space of the novel organized around the sacral center.

Key words and phrases: novel-commentary; motive of travel; interactive novel; hyper-textual literature; ekphrastic elements.

УДК 482+407

Педагогические науки

Статья посвящена вопросам изучения русского языка иностранцами в XVI-XVII вв. В ней дается описание складывавшейся в этот период лингводидактической ситуации, которая характеризовалась четкой мотивацией к изучению русского языка. Большое место в работе занимает описание фактов приезда иностранцев в Россию, а также условий изучения ими русского языка.

Ключевые слова и фразы: лингводидактическая ситуация; интерес к русскому языку; условия и мотивы изучения русского языка; прямые контакты; подготовка толмачей и переводчиков.

Корнева Галина Викторовна, к. пед. н.

Рязанский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова
 galy1976@mail.ru

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И МОТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ИНОСТРАНЦАМИ В XVI-XVII ВВ. ©

Известно, что Россия всегда была привлекательна для иностранных государств как деловой и культурный партнер. На протяжении многих веков иностранцы проявляли интерес также к русскому языку. В зависимости от существовавшей обстановки, в разное время формировались свои мотивы и условия изучения русского языка иностранцами, которые способствовали возникновению определенных лингводидактических ситуаций.